

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ
(К 300-летию духовной школы в Сибири)**

В статье рассматривается история духовных школ в Сибири, которые были основаны в соответствии с «Духовным регламентом» 1721 года. В XVIII веке они играли существенную роль в обеспечении грамотными людьми гражданских учреждений и учебных заведений и занимали видное место в культурной жизни не только Сибири и Урала, но и всей России.

В канун 300-летия духовного образования в Сибири стоит обратиться к истории духовных школ. История этих учебных заведений рассматривалась в трудах исследователей XIX–XX веков (Н. С. Юрцовского, А. Н. Копылова, Ю. П. Прибыльского и др.), но вновь открытые документы раскрывают по-иному некото-

рые стороны их жизни во второй половине XVIII века. Для данного исследования было отобрано 35 архивных документов, а также работы предыдущих исследователей.

В современных работах по истории образования система духовно-учебных заведений, находившихся в ведении

церкви, рассматривается как существующая параллельно светской системе и отдельно от нее. Исключения составляют работы по истории церкви и религиозной политике. Для советской науки система духовно-учебных заведений и связанное с ними духовное образование представлялось явлением второстепенным и социально далеким.

Акцентирование внимания при изучении церковного образования представляется оправданным в связи с тем, что развитие в России процессов модернизации и европеизации, начатое Петром I, сопровождалось повышением социальной значимости образования. В наше время виден новый подъем образовательных учреждений православной церкви, и в связи с этим нужно учитывать и изучать как положительный, так и отрицательный опыт предшествующих поколений.

Православная церковь со времени принятия христианства на протяжении всей российской истории являлась важным институтом, во многом определявшим особенности развития общества и государства. Несмотря на то, что в XVIII веке благодаря секуляризации общественного сознания, политики и культуры влияние церкви ослабло, православие оставалось существенным элементом социально-политической структуры, а духовенство — исторически сложившейся значимой группой. Таким образом, актуальность исследования данной темы обусловлена той ролью, которую играло духовенство господствующей церкви в российском обществе, многообразием функций и задач, выполняемых его представителями в интересах общества и государства. Сегодня ряд исследователей занимается этой проблемой в пределах Сибири (Р. Р. Исхакова, В. А. Курмачев, Е. Б. Макаревич и др.)¹.

Россия была многоэтнической империей. На ее территории сформировались сети учебных заведений различных церквей: православной, католической, протестантской, мусульманской, иудейской. Исторически сложилось, что наиболее представительными и авторитетными в стране стали духовно-учебные заведения Русской Православной Церкви (РПЦ). Именно они оказывали определяющее значение на развитие просвещения в стране и напрямую были связаны со светским образованием и государственной идеологией.

Серьезные изменения во всех сферах жизни России, связанные с ее постепенным выходом из средневековой изоляции по отношению к Европе, начались в XVII веке и усилились в Петровскую эпоху. Экономические и политические преобразования в России сразу же потребовали большого количества специально обученных людей-профессионалов: офицеров, моряков, инженеров, артиллеристов, врачей, ученых, учителей, государственных служащих. Это, в свою очередь, потребовало проведение реформы просвещения. Петр I, приступая к подготовке образованных людей, необходимых для гражданской службы, понимал, что без помощи духовенства, уже имеющего опыт в области образования, ему не обойтись. Поэтому его правительство поощряло открытие духовных школ, рассчитывая с их помощью затем готовить и светских работников. Детей священнослужителей и церковнослужителей обучали преимущественно начальной грамоте: чтению (букваря, часослова, псалтыря), письму и пению церковных служб. Этот исконный тривиум существовал на Руси со времен св. Владимира и несколько не изменился к XVIII веку. Чтение — религиозное, письмо — священное, пение — церковное. В разное время к этому ос-

---

новному курсу делались прибавки, дополнения, но основа церковной школы всегда оставалась неизменной. В XVIII столетии коренным образом изменилось положение церкви в государстве. Упразднением патриаршества и учреждением Синода Петр I подчинил русскую церковь светской власти и превратил ее в послушное орудие государства. Одновременно церковь потеряла контроль над образованием. С этого момента начался новый «государственный» период в отечественном просвещении. Процесс «огосударствления» способствовал проникновению в отечественную педагогику нового самосознания. В XVIII веке происходит раздвоение процессов воспитания и обучения и некоторое изменение их сути. Воспитание продолжало сохранять ориентацию на формирование человека-христианина. Но, взяв обучение в свои руки, государство сделало его более разнообразным, придало ему светский характер, одновременно окрасив и воспитание «просветительскими» тонами.

Для детей духовенства продолжалось начатое еще в XVII веке создание епархиальных школ. В 1721 году в соответствии с принятым Духовным регламентом была организована широкая сеть архиерейских школ и духовных семинарий, готовящих служителей церкви. К 1725 году их число достигло 46 в целом по России. Духовные школы в Петровскую эпоху находились в лучшем состоянии, чем светские, и имели больше учащихся². Их направляли в архиерейские школы, чтобы в будущем они смогли занять духовные должности. Новые духовные школы были закрытыми учебными заведениями. В основе их создания лежала потребность церкви в достаточно подготовленном клире, стремление расширить круг верующих и уберечь их от воздействия других верований. Процесс утверждения духовных

школ в России в XVIII столетии представляется следующим образом: славяно-русские школы (давали только начальное образование); затем шли латинские школы (аналогичные первым классам семинарии); а уж потом — семинария, где давали профессиональное церковное образование. Духовная школа не сразу приняла сословно-профессиональный характер — в XVIII веке она была декларирована как общесословная, в которую должны были приниматься дети не только священнослужителей и церковнослужителей, но и из других сословий. Однако фактически обучались лишь дети духовенства, так как обучение было построено на изучении не только гражданского алфавита, но и церковнославянского, и латинского, а эти языки были пригодны исключительно для церковного богослужения³.

Родоначальницей сибирских духовных школ является Тобольская архиерейская школа, основанная в 1703–04 годах. Ее открытию придавалось очень большое значение: она должна была просвещать не только российский народ, но и многочисленных инородцев, живущих на сибирской территории, приводя их в познание православной веры; должна была также искать возможности для расширения территории государства до самого Китая.

В 1702 году в Тобольск прибыл митрополит Филофей Лещинский, выходец из Малороссии, который получил образование в Киево-Могилянской академии. Митрополит развернул бурную деятельность по учреждению духовной школы, которую видел устроенной по образцу украинских духовных школ. Поэтому он обратился с просьбой к Петру I в декабре 1702 года об отпуске пособия на содержание Тобольской архиерейской школы. Митрополит излагал довольно широкую программу: принимать в шко-

---

лу не только детей духовенства, но и из других сословий, наряду с русским ввести обучение на латинском языке, пригласить учителей из черниговских и киевских монахов, открыть при школе собственную типографию для печатания необходимых учебников. Петр I одобрил идею приглашения учителей из Малороссии, но не разрешил открывать типографию, учить по-латыни и принимать в школу лиц не духовного звания. Деньги же рекомендовал изыскать из митрополичьих доходов. Так начиналось создание духовных школ в Сибири.

Исследователь Н. С. Юрцовский еще в конце XIX века в своей работе, посвященной истории просвещения в Сибири, писал, что в 1727 году в Тобольске имелись две духовные школы — при архиерейском доме с 57 учениками и при Знаменском монастыре в Тобольске с 14 учениками — на обе школы было два учителя⁴. Это также подтверждается делами Тобольского архива⁵.

Нужно сказать, что процесс учреждения русских школ был весьма интересным. Эти школы назывались первоначально архиерейскими или духовными, затем их название изменилось. Они то утверждались одними архиереями, то преобразовывались в латинские школы другими, то вновь становились славяно-русскими. Окончательное становление русских школ в Сибири относится к началу 1779 года при архиепископе Варлааме I. К концу XVIII века только в одной Тобольской епархии их насчитывалось уже около 30. По ведомости за 1780 год русские школы располагались при Тобольском архиерейском доме; в монастырях при духовных правлениях (Тюменском, Туринском, Верхотурском, Томском, Енисейском, Туруханском, Далматовском, Рафайловском, Кондинском); в городах (Екатеринбурге, Ирбите, Таре, Барнауле, Кузнецке, Краснояр-

ске, Сургуте, Березове, Челябинске); в Омской крепости, в Краснослободском остроге; в слободах (Коркиной и Тавдинской); на Нижнетагильском заводе Никиты Демидова; в Демьянском яму и в селе Воскресенском⁶. Здесь не перечислены те, которые были открыты позже — в 90-х годах XVIII века. Некоторые школы затем прекращали свое существование вследствие разных причин, а в некоторых местах по прошению священнослужителей и церковнослужителей, напротив, шло открытие новых школ^{7, 8}.

Славяно-русские школы подготавливали учеников к поступлению в латинские (где существовали начальные классы семинарии), которые нередко учреждались в тех же местах, что и русские. Школы содержались на средства духовенства и находились под присмотром духовных заказчиков, которые наблюдали за тем, чтобы учителя добросовестно выполняли свои обязанности, то есть занимались обучением детей, а дети не проводили бы время в безделье. Многие учителя и ученики (за исключением пищи и одежды) состояли на коште (обеспечении) всех священнослужителей и церковнослужителей, имеющих и не имеющих детей. А бедные, сироты и немощные содержались в этих школах на деньги доброхотов, подающих церкви на нужды немощных (см. примеч. 6). На отопление и освещение школ, на покупку для учеников бумаги и чернил делался сбор денег с духовенства. А одежду, обувь и пропитание каждый родитель должен был сам обеспечить своему ребенку.

Заказчики также должны были заставлять священнослужителей и церковнослужителей представлять своих детей в школы. Жалование учителям назначалось в зависимости от доходов заказов: от 10 до 20 и более рублей в год. Кроме

того, многие учителя занимали церковные должности и получали церковные доходы. С отцов, укрывавших своих детей от школы, взыскивался штраф, особо — со священников, особо — с дьяконов, с дьячков и пономарей. Равным образом штраф взыскивался и с самих заказчиков, если они плохо выполняли свои обязанности в наблюдении за школами или попустительствовали духовенству под разными предлогами уклоняться от представления детей^{9, 10}. По согласованию с духовенством, духовное правление собирало деньги со священнослужителей и церковнослужителей, согласуясь с возможностями каждого из них. Правление должно было представлять выписки в консисторию о количестве денег, ежегодно поступающих в приходы, о количестве расходов этих средств, сведения, на что именно они были израсходованы.

Круг предметов был довольно ограничен — это чтение по-славянски и по-русски азбуки, часослова и псалтыря, письмо, нотное пение и изучение катехизиса. Некоторые русские школы вводили обучение первым действиям арифметики¹¹, но так было не везде, а «...за неимением к тому способных к обучению людей определено по изучении русской грамматики обучать оному в семинарии, в городе Тоболску при доме Архиерейском» (см. примеч. 6). Учеников также привлекали в свободное от учения время составлению церковных росписей, метрик и к извлечению из них кратких табелей, но только в том случае, если учителя сами умели это делать и могли на примере показать ученикам.

Практически все учебники и пособия были отпечатаны в Московской типографии по указу Святейшего Синода, которые затем отправлялись в разные епархии специально для рассылки их по заказам для церквей и школ. Так, в То-

больскую епархию в 1781–1783 годы было отправлено 100 экземпляров азбук гражданской печати. Причем Синодом указывалось на необходимость иметь именно эти учебники в славяно-русских школах, чтобы ученики обучались читать не только по книгам церковной печати, но и по книгам гражданской печати. Читать правительственные указы могли только грамотные люди, которых много было в среде духовенства (см. примеч. 3). Кроме азбук в школы попадали также книги нравоучительного содержания как, например, «Разсуждения о браках правоверных лиц с иноверными», «Богоугодные труды Святого Василия Великого» в двух книгах, «Слово Макария Великого» и др., направляя которые епархия преследовала цель не только разнообразить обучение чтению, но и воспитывать в духе христианского вероучения. С учителей брали даже подписку, что они должны обучать детей «...чтению, пению и письму и притом поучали б их и добронравию, в чем и обязать их...» и «...что в случае и самонаималейшего упущения посему взыщется с них по строгости законов...»^{12, 13}. По данным консистории ясно, что в качестве учебников и пособий выступали также катехизисы и нотные сборники («Симфонии на псалтырь», «Симфонии на священное писание», «Ирмологи» и т. п.)^{14, 15}.

Дана ли была какая-нибудь общая инструкция, как вести преподавание в школах учителям, из дел Тобольской консистории не видно. Но у исследователя И. Ксенофонтова можно найти следующие данные о порядке обучения в этих школах. В Рафайловской русской школе учеба продолжалась с 6 часов утра до 8 часов вечера с двумя часовыми перерывами на обед и ужин. В Тобольской архиерейской школе и Тобольском Знаменском монастыре до обеда уче-

---

ники учились читать по книгам, а после обеда — петь «по ноте». Кроме того, ученики поочередно назначались (в школах при монастырях — ежедневно) для чтения и пения на клиросе в церкви во время богослужения. Так ли это, сейчас трудно сказать, возможно, Ксенофонов пользовался делами архива, которые к нынешнему времени были утрачены¹⁶.

Учителями славяно-русских школ были священники, обученные грамоте, или бывшие семинаристы, отправляемые в заказы специально для преподавания в духовных школах (как правило, по одному учителю на школу). Но в некоторых школах одного учителя оказывалось мало, и поэтому определяли второго (см. примеч. 13). Собрав из различных источников сведения об учителях славяно-русских школ, можно сказать, что почти все они были представителями духовенства, в тех же случаях, когда среди священников не оказывалось грамотных людей, тогда учительствовали грамотные люди из других сословий. Учителя ежегодно подавали в духовные правления рапорты об учениках, в которых указывалось, сколько каждому ученику лет, когда он поступил в школу, какими знаниями при поступлении располагает и по какой причине и когда именно кто-нибудь из учеников выбыл из школы. Духовные правления такие же рапорты представляли митрополиту.

В делах Тобольской духовной консистории неоднократно попадались дела, в которых архиепископ Варлаам прямо пишет о том, что во многих приходах богослужения ведутся неправильно, священники плохо обучены грамоте, а потому следует всех неграмотных священнослужителей и церковнослужителей направлять в русские школы для обучения. Следить за этим вменялось в обязанность заказчикам. В ноябре 1779

года от епископа Тобольского и Сибирского Варлаама был послан ключарь Тобольского Софийско-Успенского собора Михаил Карпинский для проверки этих школ по заказам (Тюменскому, Краснослободскому, Ирбитскому, Туринскому, Верхотурскому, Екатеринбургскому, Далматовскому, Челябинскому и Рафайловскому): как ведется порядок обучения, каковы успехи учеников в обучении. И если окажется, что среди этих учеников есть уже обучившиеся, то «таковых высылать в семинарию». Было также приказано смотреть церковнослужителей — «искусны ли они в чтении и пении и естли кто из них окажутся неумеющими, то отсылать их в те учрежденные школы на срочное время для обучения»¹⁷. Михаил Карпинский одновременно должен был раздать по русским школам церковные книги¹⁸. Уже в декабре 1779 года он подал первый рапорт епископу, в котором говорилось, что среди освидетельствованных учеников в русских школах «...ни одного совершенно обучившагося не оказалось, да и тех весьма мало, а протчие по домам от строителя распущены...». Здесь же в рапорте говорилось, что учителя и сами плохо писать и петь умели¹⁹. Из всех заказов были выбраны ученики только в Краснослободском (10 чел. — от 10 до 15 лет), в Ирбитском (8 чел. — от 9 до 14 лет) и в Тюменском заказах (8 чел. — от 7 до 13 лет) — всего 26 чел. Эти дети были отправлены для продолжения учебы в Тобольскую семинарию²⁰. Как известно из дел Тобольского архива, многие священники не отдавали своих детей в русские школы. В 1779 году для выяснения этих обстоятельств в Кондинский и Демьянский заказы был послан священник градотобольской Воскресенской церкви Федор Алексеев²¹. В Кондинском заказе архимандрит Александр заявлял, что для русской

школы у них нет учителя и «...выбрать не ис кого...»²².

Как указывается некоторыми исследователями XIX века, в славяно-русские школы принимались дети от 5 до 10 лет²³, но нами был выявлен весьма интересный аспект в этом плане. Ведомость, представленная в Тобольскую духовную консисторию из Омского духовного правления, указывает на весьма разнообразный возраст учеников Омской русской школы: от 7 до 37 лет. Всего учеников в этой школе насчитывалось 46 чел.²⁴. Многие священнослужители и церковнослужители пытались сами обучать своих детей российской грамоте, но, как правило, такие дети либо плохо были обучены, либо оставались вовсе необученными. По крайней мере, причин этому было несколько: 1) отсутствие свободного времени у многих священнослужителей и церковнослужителей для обучения своих детей грамоте; 2) неимение книг для обучения; 3) низкая степень грамотности самих родителей (в исследовании Ксенофонтова, например, приводятся цифры по некоторым заказам Тобольской епархии, которые свидетельствуют о грамотности священнослужителей и церковнослужителей: из 177 человек в Челябинском заказе только 20 умели читать, писать и петь «по ноте», из них первую часть арифметики знали только два человека); 4) невозможность найти хороших учителей и недостаток для этого средств; 5) нежелание некоторых родителей вообще обучать своих детей грамоте.

Дети некоторых заказов были причислены к русским школам в дальних монастырях, что совсем не было удобно их родителям. Так, в одном из дел Тобольского архива священники Ялуторовского заказа доносили епископу Варлааму, что в Рафаиловском Троицком монастыре в школе, которая, хотя и

функционирует, обучать детей крайне неудобно. В донесении указывались различные причины: найти квартиру для детей сложно, так как во многих квартирах живут по 10–15 человек, да и квартиры дороги; продукты и одежда также дороги; учителя в монастыре собирали с родителей деньги за учебники, «а ежели кто не станет отдавать, то отцов мучат в цепях, да еще же которые отцы прострочат привести детей своих на срок, то собирают штраф по 25 коп. за день, а кто два, или три дни прострочит, то вдвое, и в трое за день собирают, а ежели кто отдавать не захочет, то так же в цепях отцов морят...». Далее описывались обиды, которые чинил учитель из Рафаиловского монастыря: «а от учителя во учении никакого добраго успеху непредвидится, самое слабое учение, да он же по нашему Ялуторовскому заказу с женою своею и с расыльщиком ездит, как подводами, так и оборами вымогается...». Священнослужители и церковнослужители просили перевести их детей в Курган для обучения и особо указывали на дальность расстояния от Рафаилова монастыря²⁵. Естественно, монастырь стал защищать себя от наветов. В объяснении епископу Варлааму, казначей монастыря иеромонах Троицкий писал, что квартир в Рафаилове довольно для учеников, из них многие даже остаются пустыми и не так дороги, как указывается родителями, цены на продукты — как и везде, и т. д. После упорного разбирательства в этом деле кляузникам было запрещено под опасением штрафа писать доносы, а детей велено представлять в Рафаиловский монастырь немедленно²⁶. Но, несмотря на это запрещение, жалобы от родителей именно в адрес русской школы при Рафаиловском монастыре все же поступали. Так, дьякон Прокопьевской церкви с. Коркинского Ялуторовского заказа Яков Кисе-

---

лев просил перевести его детей в другую русскую школу, так как учитель из Рафайловского монастыря брал с него взятки за обучение сына в школе^{27, 28}. Бывали случаи побегов учеников из школ вследствие плохого обращения с ними учителей и даже случаи самоубийства. Они были нередки все в том же Рафайловском монастыре^{29, 30}.

Нужно сказать, что цель, с которой учреждались славяно-русские школы, достигнута в полной мере не была. Окончивших русские школы учеников было слишком мало, но, несмотря на все трудности обучения, выпускники славяно-русских школ все же пополнили грамотное население России. Многие из них либо совсем не были готовы, либо были недостаточно подготовлены к поступлению в латинские школы или в Тобольскую семинарию. На тот период она была единственной на всю Сибирь. Некоторых учеников приходилось вновь обучать в Тобольске в течение года всему тому, что они учили в русских школах на протяжении многих лет. Иных же, совсем не обученных, епархиальное начальство отсылало в светскую команду. Большинство определялось на низшие церковные должности, но, несмотря на это, при церквях продолжало оставаться много вакантных мест без замещения. В 80-х годах XVIII столетия в Тобольской епархии насчитывалось до 425 вакантных священнослужительских и церковнослужительских мест³¹. Постепенно славяно-русские школы стали преобразовываться в приходские. Этот процесс начался в Западной Сибири в конце XVIII века³².

Около 1728 года в программу Тобольской архиерейской школы был введен латинский язык и, таким образом, из славяно-русской школа превратилась в славяно-латинскую. В 1743 году была учреждена семинария, в которой препода-

вание велось на латинском языке. Так как Тобольская семинария не могла принять большее количество учеников вследствие тесноты семинарских помещений, то решено было создать латинские школы при монастырях и в церковных приказах (в уездных церковных правлениях). Начало учреждения латинских школ относится к 1759 году. Всего за период с 1759 по 1767 год в Западной Сибири было открыто 15 латинских школ (в Красноярске, Барнауле, Троицке, Верхотурье, Тюмени, Екатеринбурге, Далматове, Рафайлове, Таре, Томске, Самарове, Ишиме, Туринске, Челябинске, Краснослободске)³³. Так же как и в славяно-русские школы, в латинские в основном поступали дети священников и церковнослужителей, уже обученных славяно-русской грамоте. Возраст учеников колебался от 10 до 15 лет. Латинские школы, как и русские, существовали на средства духовенства, а жалованье учителям платили разное, в зависимости от возможностей местного духовенства. Многие учителя совмещали обязанности по школе с обязанностями приходского священника или церковнослужителя. Школы находились под присмотром духовных заказчиков.

Заказные латинские школы состояли из четырех низших классов семинарии: фары, инфимы, грамматики и синтаксиса. По окончании учения в синтаксисе ученики должны были поступать в класс пиитики в семинарии. В качестве учебников использовали элементарь и латинскую грамматику Эммануила Альвара, напечатанную в свое время для польских школ, а потом перешедшую в славяно-русские. По элементарю ученики фары учились читать и писать по-латыни. Изучение альвара начиналось с инфимы. В инфиме изучались первоначальные правила латинской грамматики. Учебник Эммануила Альвара был край-

---

не сложен для понимания не только начинающих учиться латинскому языку, но даже и для достаточно знакомых с ним. Но, несмотря на то, что ученики с огромным трудом осиливали этот учебник, он пользовался огромной популярностью и уважением в семинариях. В грамматическом классе изучались грамматические правила и главные синтаксические. В синтаксисе — заканчивалось изучение грамматики с синтаксисом. В 1763 году Тобольский митрополит Павел Конюскович распорядился ввести в латинских школах обучение простому нотному ирмологному пению³⁴.

Но уровень образования в этих школах оставлял желать лучшего. Причин было несколько: 1) недостаток учебников (элементариев и альваров); 2) недосмотр за обучением (часто заказчики сами не изучали латинского языка, поэтому не могли выполнять свои обязанности со знанием дела); 3) недостаток времени у учителей (совмещение учительской должности с должностью в приходе требовало разъездов иногда по отдаленным частям прихода), а то и просто нерадивое отношение (например, пьянство); 4) многие священнослужители и церковнослужители по отдаленности своего жительства от латинских школ тяготились содержанием своих детей на квартирах. В местном архиве имеется дело по доношению Тобольского епископа Варлаама об определении заказных латинских школ за 1769 год, в котором он докладывает Святейшему Синоду о недостатке средств, выделяемых на семинарию и указывает, что, помимо семинарии, «в разных по городам Тобольской епархии местах школы латинския заведены и дети на отцовском коште обучаются числом сто пятьдесят девять человек, но только с них никакой пользы через девять уже лет невидно». На содержание школ (на дрова, свечи,

бумагу, ремонт школы) не хватало средств. Варлаам писал в доношении Синоду, что «по здешнему климату без отопления школ обойтись никак невозможно, такой суммы весьма недостаточно», а «многие священно- и церковнослужители в весьма отдаленных и таких пустынных местах при церквах служат, что и хлеба никогда не родится»³⁵. Из всех латинских школ Тобольской епархии в семинарию поступали ученики только из семи: Екатеринбургской, Далматовской, Рафайловской, Тарской, Троицкой, Томской, Барнаульской. Из остальных до половины 1767 года не поступало ни одного человека. Да и число поступивших в семинарию было незначительно: в период с 1763 до половины 1767 года поступило всего 54 человека. Из них 22 — в класс грамматики, а 16 — в класс синтаксиса. Остальные — в фару и инфиму. Но, несмотря на поступление, многие из них все же оказались неспособными продолжить обучение в семинарии³⁶.

В 1769 году Варлаам предлагал Синоду положить на семинарию «довольное содержание» и перевести туда учеников латинских школ, а сами школы закрыть, тогда и родители «детей своих от школьного учения как ныне за прописанными неудобствами и скудостью семинарскою, укрывать не будут, но с большею охотою в семинарию и сами представлять имеют»³⁷. Варлаам не был первым, кто высказал мысли о закрытии латинских школ в Тобольской епархии. Еще в 1767 году митрополит Павел приказал закрыть заказные латинские школы, а вместо них учредить русские. Причины закрытия указывались все те же. И хотя при Павле состоялось распоряжение об упразднении латинских школ, не во всех заказах оно было приведено в исполнение. В 1769 году неупраздненными оставались школы в Ту-

---

ринске, в Краснослободске, в Далматове, в Екатеринбургe, в Рафайлове, в Томске, в Красноярске³⁸. Из Синода на доношение Варлаама пришел указ, что раз от латинских школ в Тобольской епархии никакого толка нет, то латинские школы упразднить, а учителей и учеников выслать «к Его высокопреосвященству ... на рассмотрение», выслать и все бывшие в школах латинские книги. В указе также было объявлено о штрафах за укрывательство детей от семинарии, если будет доказана вина: с протопопов по 2 руб., с попов по 1 руб. 50 коп., с диаконов по 1 руб., с дьячков и пономарей по 50 коп. с человека за каждый месяц³⁹.

Тобольская консистория, выполняя указ Синода, также определила купленные для помещения латинских школ дома продать, а вырученные от их продажи деньги послать в Тобольск на содержание семинарии. В некоторых правлениях так и поступили, но были также сообщения, в которых говорилось, что школы располагались в собственных домах учителей, в монастырских кельях, в данном от канцелярии главного заводского правления казенном доме и т. п.⁴⁰.

Нельзя, однако, утверждать того, что Тобольская духовная консистория полностью отошла от практики учреждения латинских школ. В местном архиве находится дело, из которого следует, что по просьбе священников и церковнослужителей Рафайловского заказа была вновь учреждена латинская школа в Рафайловском Троицком монастыре⁴¹. В начале 1782 года игумен Маргарит назначил некоторых учеников русской школы к поступлению в Тобольскую семинарию для изучения латинского языка. Но отцы отправку своих детей в семинарию посчитали невыгодной для себя. Доводы были все те же: удаленность своего жительства от Тобольска,

трудность доставления припасов своим детям. Они просили либо поместить детей их «на провизию семинарскую, включая платье и обувь, либо «приказать учредить на коште нашем и латинскую школу хотя до синтаксимы в Рафайловском монастыре, и наградить для того надежным учителем снабдив его потребными ко обучению детей наших книгами». От себя они обязались платить учителю жалованье за обучение в фаре и инфиме по 30 руб. в год, а за обучение в грамматике и синтаксисе обещали увеличить сумму. Всего под доношением подписалось 78 человек⁴².

Варлаам не торопился с решением. Сначала прошение попало на рассмотрение к ректору Тобольской семинарии Илье, который посчитал открытие латинской школы в Рафайлове без пользы для учения. Но, несмотря на его мнение, Варлаам все же распорядился учредить школу на коште священнослужителей и церковнослужителей, определил учителем в школе казначея Рафайлова монастыря иеромонаха Троадия и приказал об успехах учеников представлять ведомости каждые полгода. Таким образом, латинская школа вновь стала функционировать с 15 марта 1782 года⁴³. В ноябре того же года в латинской школе числилось 25 человек от 11 до 15 лет.

Цель, с которой учреждались латинские школы, не полностью была достигнута: большинство учеников оставались слабо подготовленными к поступлению в семинарию и к определению на причетнические должности, вследствие чего много вакансий в церквях оставалось без замещения.

В 1743 году в Тобольске по еще действующему «Духовному регламенту» указом Синода была образована духовная семинария, которая первоначально располагалась в Архиерейском доме на Софийском дворе. Но сама семинария

начала функционировать лишь к 1747 году. К концу столетия здание Тобольской семинарии мы уже обнаруживаем выстроенным в Знаменском монастыре⁴⁴. Автор статьи не берет на себя ответственность утверждать с большой точностью достоверности о времени перевода здания семинарии на нижний посад города, где располагался Тобольский Знаменский монастырь. Утверждение некоторых исследователей, что семинария была переведена в Знаменский монастырь в 1770 году архиепископом Варлаамом, пока не было подтверждено архивными документами⁴⁵.

Инициатива по созданию семинарии принадлежит Тобольскому и Сибирскому митрополиту Антонию II (Нарожницкому), который фактически содержал семинарию за свой счет и на штрафные деньги, собираемые с провинившихся священников и церковнослужителей. Им же было пожертвовано много книг в пользу семинарской библиотеки⁴⁶. Из архивных документов за 1750–1752 годы видно, что Тобольская семинария существовала за счет доходов епархии. Тобольские митрополиты неоднократно жаловались на недостаточность средств епархии по содержанию духовных школ⁴⁷ и даже предлагали закрыть некоторые школы. Но правительство предложило другой выход из непростой ситуации. Было решено деньги на содержание семинарий изыскать из доходов монастырей и приверженцев старообрядчества. Но, очевидно, такой шаг не решил проблемы. Тобольской семинарии после секуляризации церковных земель определили в 1764 году «штатный оклад» в 490 руб. 16 коп. «с четью». Этих денег катастрофически не хватало. Как видно из дальнейших дел Тобольской духовной консистории, в конце XVIII века семинария содержалась на государственные деньги. С ок-

тября 1779 года Государственная коллегия экономии предписала Тобольской губернской канцелярии выделять ежегодно на семинарию по две тысячи рублей⁴⁸. В 1799 году на семинарию уже выделяли четыре тысячи рублей: на каждое полугодие по две тысячи⁴⁹. Из этих денег шло на выплату жалованья учителям от 700 рублей в год в 80-х годах XVIII века до 1288 рублей в 1800 году. Ведомость Тобольской духовной консистории за 1780 год дает нам следующий расклад расходов на жалованье учителям в год:

Ректор	100 рублей
Префект	100 "
Учитель риторического класса.....	70 "
Учитель пиитического класса	50 "
Учитель синтаксического класса	50 "
Учитель Катехизиса	40 "
Учитель грамматики	40 "
Учитель татарского языка	40 "
Учитель инфимы	40 "
Учитель арифметики	30 "
Учитель фары.....	30 "
Учитель информатории	25 "
Учитель русского языка.....	20 "

Кроме этого выплачивалось жалованье лицу, ведущему расходы семинарии, и при нем — подьячему, двум поварам и двум сторожам⁵⁰. Также в статье расходов стоял пункт о содержании студентов и учеников семинарии, тех, кого не могли содержать родители, или тех, кто не мог содержать себя сам.

Семинария одевала, обувала и кормила студентов. На одного ученика семинарии только на одежду в год приходилось около 29 руб. по ведомости за 1800 год. По ведомостям на казенном содержании находилось больше половины учеников семинарии: за 1799 год — 124 из 205; за 1800 год — 134 из 219⁵¹.

Управление семинарией осуществлялось ректором под непосредственным присмотром митрополита. В конце

XVIII века ректорами семинарии обычно были архимандриты Тобольского Знаменского монастыря, в зданиях которого помещалась семинария. Одновременно ректор исполнял обязанности учителя богословия. Почти все ректоры были выпускниками Киево-Могилянской академии, а в конце века — Александро-Невской главной семинарии⁵². За ректором шел префект — должность, очевидно, соответствующая в современном понимании должности проректора по учебной и воспитательной работе, или завуча. Им стал учитель класса философии (по примеру других семинарий)⁵³. В марте 1799 года согласно Правительственному указу в Тобольской семинарии было учреждено семинарское правление и «с церковным чинопоклонением освящено». В него вошли ректор, префект и учитель риторического класса. Семинарское правление должно было принять присягу. Ему дано было право напрямую обращаться с письменными просьбами в Синод, чтобы избежать излишних переписок с консисторией. На заседания члены семинарского правления должны были собираться в свободное от занятий время⁵⁴.

Учителями в Тобольской семинарии были лица духовного звания (питомцы украинских духовных школ, Киевской академии, Александро-Невской главной семинарии, Тобольской семинарии). И если первоначально это были выходцы из Малороссии, за которыми митрополит Антоний II (Нарожницкий) посылал в Чернигов и Киев Енисейского архимандрита Димитрия Смеловского, то к концу века, в 1799 году, все учителя были — великороссийской нации. В качестве учителей в младших классах (фаре, инфиме, грамматике и синтаксисе) часто использовали студентов семинарии из выпускных классов (философии и богословия)^{55, 56}.

Во второй половине XVIII века Тобольская семинария состояла из восьми классов: фара, инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики, риторики, философии и богословия. Это были так называемые «ординарные» классы, учение в которых было преемственным и продолжалось 10–15, а то и более лет⁵⁷. В младших и средних классах (фаре и инфиме) учили латинский язык. Начинали с латинских «вокабул», с коротеньких разговорных фраз, далее переходили к изучению грамматики, затем шло чтение и комментирование светских и духовных авторов. В старших классах ученики уже произносили речи на латинском языке. В целях наилучшего усвоения латыни ученикам воспрещалось говорить между собою на русском, и в этом Тобольская семинария шла по пути украинских духовных школ и Киевской академии, где образование не мыслилось без солидного знания латыни. Но, как это всегда бывает, за изучением латыни забывалось все остальное. Старинные средневековые схоластические трудно усваиваемые учебники (Альвара и др.) не давали возможности многим ученикам до конца одолеть семинарскую науку — лишь единицы оканчивали полный курс.

В семинарии также были классы «экстраординарные», то есть факультативы (в нашем понимании): немецкого, греческого, татарского языков, истории, географии, математики, красноречия, пения и рисования (иконописи). Они существовали в зависимости от наличия преподавателей и желающих обучаться данным наукам. В феврале 1789 года были учреждены классы татарского языка, арифметики и геометрии⁵⁸. В 1800 году в круг семинарских предметов было введено рисование, чтобы «между ординарными и экстраординарными классами... упражняться в рисовальном

искусстве, а со временем и в живописном». Для этого класса избирали до 15 учеников по желанию⁵⁹. Наличие классов татарского языка и рисования отличало Тобольскую семинарию от семинарий Европейской части России. России нужны были переводчики. В Сибири требовались переводчики с монгольского, китайского, татарского и других языков. Из Иркутска неоднократно поступали просьбы от губернатора Франца Николаевича Клички об отправлении студентов Тобольской семинарии для вступления в переводческие должности. В Иркутске к 1780 году было, конечно, образовано свое училище, но, как писал сам Ф. Кличка, «пононе не предвижу надлежащего плода, по причине ученической неспособности, што они до того обучили одну русскую грамоту, не касаясь ни какому европейскому языку, ниже российской грамматике»⁶⁰. Именно в этих целях был открыт класс татарского языка в Тобольской семинарии. К 1800 году в этом классе обучалось 28 человек⁶¹.

При семинарии была заведена своя библиотека. Из различных архивных дел следует, что во второй половине XVIII века при изучении предметов продолжали использовать грамматику Альвара и, наряду с нею, — латинскую грамматику в переводе Лебедева, а кроме них: «Рассуждения о браках правоверных лиц с иноверными», азбуки церковной и гражданской печати, Катехизисы Краткий и Пространный, Лексиконы трехязычные и др., присылаемые Московской типографской конторой^{62–65}. Для татарского класса специально были написаны местным семинарским учителем и священником Иосифом Гигановым четыре учебника на татарском языке с переводом российским: «1-я — словарь, 2-я — грамматика, 3-я — собранная нужнейших коренных слов того языка, 4-я —

букварь для обучения татарскому и арабскому писаны в табличном порядке с приложением слов первообразных с разделением грамматическим». В написании учебников И. Гиганов применил новейший метод, рекомендованный Ф. И. Янковичем де Мириево (одним из первых подвижников реформы просвещения в России при Екатерине II). Как указывается в документе, книги эти «по состоянию в здешнем крае немалого числа народов магометанского закона как российских подданных так и соседственных к России крайне полезны, ибо таковых сочинений сколько известно, в России не имеется еще». Для рецензирования и исправления этих учебников были приглашены татарские муллы Ният Баки Атнаметев и Семенце Яр Мухамметов⁶⁶. За столь капитальный труд И. Гиганов был награжден от семинарского правления денежной премией в 50 рублей⁶⁷, а после его смерти жене с детьми «в награждение за труды ея мужа в сочинении татарских книг» было выдано «из Комиссии экономической суммы 1000 рублей» (см. примеч. 66).

Преподавание предметов велось шесть дней в неделю, с половины восьмого утра до четырех дня с перерывом на обед. В воскресные дни ученики с половины восьмого до десяти утра изучали Пространный Катехизис, а вторую половину дня должны были посвятить подготовке домашнего задания⁶⁸. Во вновь учрежденном классе рисования занятия проходили два раза в неделю: один раз — утром, другой — после обеда. В классе татарского и немецкого языков программа предусматривала занятия три раза в неделю⁶⁹. Нужно отдать должное семинарскому начальству: во многие классы ученики отбирались по наклонностям и по желанию. Однако каждый семинарист должен был пройти определенное число преподаваемых дисциплин.

Общее количество учащихся в Тобольской семинарии было довольно значительным: в 40-х годах XVIII века в ней числилось немногим больше 100 человек⁷⁰; в 60-х годах — 200; а в 90-х годах — уже около 300^{71, 72}. Духовные школы к этому времени приобрели всецело сословно-профессиональный характер, так как за немногими исключениями ученики принадлежали к духовному сословию. Возрастной состав семинаристов был чрезвычайно разнообразен⁷³:

Фары.....	8–13 лет
Грамматики.....	10–15 "
Синтаксисы.....	10–15 "
Пиитики.....	14–18 "
Риторика.....	16–21 "
Философии.....	17–21 "
Богословия.....	19–22 "

В старших классах некоторые ученики были уже женатыми и занимали должности дьяконов, причетников и т. п. Так, по той же ведомости 1799 года в классе богословия состояли на церковной службе (не пользуясь поэтому семинарским содержанием) 15 из 22 учеников, в классе философии — 10 из 23. Даже в младших классах некоторые ученики состояли в церковном хоре певчими.

Самым многолюдным был, как правило, класс фары. В нем насчитывалось 85 учеников. В других классах их количество было меньшим⁷⁴. Чем же объяснялся такой количественный состав учеников в старших классах? Дело в том, что к тяжелой семинарской программе и преподаванию присоединялся крайне суровый режим. Семинаристы без разрешения не имели права выходить за стены семинарии, за провинности полагалось наказание розгами (правда, не свыше 10 лоз, но, конечно 10 ударами не ограничивались), за само-

вольный уход грозила бессрочная солдатская ляжка⁷⁵.

Таким образом, вследствие трудности семинарской науки до старших курсов и окончания семинарии доходили немногие. Об остальных учениках семинарии в ведомости за 1799 год мы находим пометки: «за непонятием уволен в причт», «за тупостью» и т. п. (то есть на должности пономарей, псаломщиков и т. д., сюда же, видимо, надо прибавить и уволенных «по болезни»)⁷⁶.

В середине XVIII века многих семинаристов требовали на службу гражданские власти. Но уже в 1799 году было запрещено увольнять в светские команды учеников богословия и философии без ведома Синода, что же касается остальных учеников, то это «по собственному рассуждению преосвященных должно быть». Однако семинарское правление ежегодно обязано было посылать списки всех увольняемых в светские команды⁷⁷. В следующем, 1800 году, даже это разрешение было снято. Теперь вообще было запрещено обращаться из духовного в светское звание без разрешения царских властей⁷⁸. Некоторые семинаристы отправлены были для продолжения образования в Тобольское главное народное училище (для подготовки в учителя), в Казанскую духовную академию, в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, в Александровскую главную духовную семинарию (впоследствии Петербургскую духовную академию)^{79, 80}.

Нельзя, однако, утверждать, что семинаристы являлись такими уж прилежными учениками. В Тобольском архиве отложилось дело о краже семинаристами из каменной палаты Знаменского монастыря 15 ведер французской водки, оставленной на хранение в 1780 году Питейной конторой. В этом инциденте участвовало 20 семинаристов из стар-

ших классов. Все причастные к этому случаю были строго наказаны семинарским начальством — они должны были выплатить стоимость выпитой водки, а кто не в состоянии платить, того определяли к церквям на службу с тем, чтобы деньги, получаемые за службу в церкви, шли в счет оплаты долга⁸¹.

Духовные школы и семинарии, созданные в соответствии с «регламентом» 1721 года, играли существенную роль в обеспечении грамотными людьми гражданских учреждений и учебных заведений. Тобольская семинария занимала видное место в культурной жизни не только Сибири и Урала, но и России. Следует отметить, что из 26 существовавших тогда в России православных семинарий только восемь обеспечивали полный курс обучения⁸². При них была собрана богатая для того времени библиотека, где, помимо книг на русском и иностранном языках, хранились уникальные рукописи — такие, как Черепановская летопись. При духовных школах в Тобольске зародились театральные представления — первые в Сибири. Выпускники Тобольской семинарии стали первыми учителями Пермской семинарии, образованной в начале XIX века. В XVIII веке духовные семинарии и академии не считались педагогическими

учебными заведениями, в них не ставили специальных целей готовить выпускников к преподавательской деятельности в общеобразовательной школе, не изучались специальные педагогические дисциплины. Тем не менее, в это время из духовно-учебных заведений выходило множество преподавателей разного уровня — семинарских, начальных школ, частных учителей. Это объясняется тем, что образованных людей было крайне мало, и само наличие определенного уровня образования, независимо от специальности, позволяло заниматься педагогической деятельностью. Духовенство, по условиям сословной профессии, оказалось единственной (кроме дворянства) группой, способной хоть в какой-то мере удовлетворить потребности государства и общества в образованных людях. И все же нельзя оценивать учебные заведения того времени с точки зрения современных педагогических требований, необходимо давать оценку им в соответствии с общими условиями и культурным уровнем той эпохи, к которой они относятся. Это были сословные, профессиональные школы, опыт которых, при всем его несовершенстве, был востребован в процессе организации духовных училищ в начале XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Исхакова Р. Р.* Роль духовно-учебных заведений в формировании образовательного пространства России XVIII–XIX вв. Казань, 2002; *Курмачев В. А.* У истоков духовного образования в Западной Сибири. Тюмень, 1999; *Макарчева Е. Б.* Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII — первой половине XIX века (по материалам Тобольской епархии): Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

² История образования и педагогической мысли за рубежом и в России / Под ред З. И. Васильевой. М., 2001.

³ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2298. Л. 1-об.

⁴ *Юрцовский Н. С.* Очерки из истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923.

⁵ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 1, № 79.

⁶ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2069. Л. 4; л. 8.

⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2656.

⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2921.

-
- ⁹ *Ксенофонт И.* О заказных латинских и славяно-русских школах в Тобольской епархии // Тобольские Епархиальные Ведомости. 1885. № 20. С. 449–461; № 21–22. С. 471–497.
- ¹⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 494.
- ¹¹ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 267, оп. 1, № 1. Л. 42-об.
- ¹² ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 250. Л. 6.
- ¹³ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 491. Л. 3-об.
- ¹⁴ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2543.
- ¹⁵ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 588.
- ¹⁶ *Ксенофонт И.* Указ. изд.
- ¹⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 1754. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Л. 12.
- ²¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 1758.
- ²² Там же. Л. 66.
- ²³ *Ксенофонт И.* Указ. изд.
- ²⁴ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2277. Л. 10-об., 11-об.
- ²⁵ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2273. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Л. 12.
- ²⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2528.
- ²⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2554.
- ²⁹ *Ксенофонт И.* Указ. изд.
- ³⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2554.
- ³¹ *Побединский М.* Старинные Томские духовные школы (1746–1820). Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1896.
- ³² *Подробнее об этом см.* в указ. изд. Р. Р. Исхакова, В. А. Курмачева, Е. Б. Макарьева.
- ³³ *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири в XVII — н. XIX века. Новосибирск, 1971.
- ³⁴ *Ксенофонт И.* Указ. изд.
- ³⁵ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 2, № 1981. л. 2-об.
- ³⁶ *Ксенофонт И.* Указ. изд.
- ³⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 2, № 1981. Л. 2-об.
- ³⁸ Там же. Л. 12.
- ³⁹ Там же. Л. 11.
- ⁴⁰ Там же. Л. 33.
- ⁴¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2405.
- ⁴² Там же. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Л. 5.
- ⁴⁴ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 572, л. 38; ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 21, № 5 (План г. Тобольска за 1784–1794 гг.).
- ⁴⁵ Тобольской семинарии — 250 лет. Тобольск, 1993.
- ⁴⁶ *Недосеков А.* Антоний II Нарожницкий, Митрополит Тобольский и Сибирский // Тобольские Епархиальные ведомости. 1892. № 15–16. С. 333–334.
- ⁴⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 1, № 411. Л. 11-об.
- ⁴⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2069. Л. 4.
- ⁴⁹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 162.
- ⁵⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2069. Л. 3-об.
- ⁵¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 492. Л. 29–30; 27.
- ⁵² *Юрцовский Н. С.* Указ. изд.
- ⁵³ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2529. Л. 1.
- ⁵⁴ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 165. Л. 1–3.
- ⁵⁵ *Недосеков А.* Указ. изд.

-
- ⁵⁶ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160. Л. 4-об.–7.
- ⁵⁷ *Юрцовский Н. С.* Указ. изд.
- ⁵⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2069. Л. 3-об.
- ⁵⁹ Очерки из истории Тобольской духовной семинарии (по архивным данным) // Тобольские Епархиальные Ведомости. 1905. № 13.
- ⁶⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 1958. Л. 1.
- ⁶¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160. Л. 31-об.
- ⁶² ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 2298.
- ⁶³ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 250.
- ⁶⁴ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 588.
- ⁶⁵ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 1774.
- ⁶⁶ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 355, оп. 1, № 232. Л. 105.
- ⁶⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 163. Л. 10-об.
- ⁶⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160. Л. 34-об.; 36.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 1, № 411. Л. 20-об.; 21.
- ⁷¹ *Юрцовский Н. С.* Указ. изд.
- ⁷² ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160.
- ⁷³ Там же. Л. 1–31-об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 32.
- ⁷⁵ *Юрцовский Н. С.* Указ. изд.
- ⁷⁶ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160.
- ⁷⁷ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 167.
- ⁷⁸ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 496.
- ⁷⁹ *Юрцовский Н. С.* Указ. изд.
- ⁸⁰ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 5, № 160.
- ⁸¹ ГУТОГА в г. Тобольске. Ф. 156, оп. 3, № 1965.
- ⁸² *Прибыльский Ю. П.* Колыбель просвещения. К 300-летию сибирской школы: Возрождение Тобольска, 2001.

L. Nechaeva

ORTHODOX SPIRITUAL SCHOOLS OF WESTERN SIBERIA IN THE XVIII CENTURY

The history of the Orthodox spiritual schools in Siberia is represented. The schools were founded in accordance with the «Spiritual regulations» in 1721. In the XVIIIth century the spiritual schools played a great role in providing civil and educational institutions with educated people. They took an outstanding position in cultural life not only in Siberia and the Urals, but also all over Russia.